

Содержание

Лю Э и его роман «Путешествие Лао Цаня» 5

Глава первая.

*О том, как земляные плотины не сдерживали
воду и год за годом происходили стихийные
бедствия и как ветер нагонял волны
и повсюду таилась опасность* 31

Глава вторая.

*О том, как у подножия горы Лишань герой
увидел следы деяний древних императоров
и как на берегу озера Минху он услышал
последние слова песни красавицы* 44

Глава третья.

*О том, как Лао Цань поехал к роднику
Золотая Нить искать источник
Черного Тигра и как одинокий парус
направился на запад, чтобы навестить
обитель Сизого Коршуна* 57

Глава четвертая.

*О том, как губернатор стремился
к талантливым людям, словно жаждущий
к воде, и как его превосходительство
искоренял разбойников с такой злобой,
будто мстил им* 72

Глава пятая.

*О том, как верная жена решилась
на самоубийство и как люди, прожившие
весь век в деревне, были невинно загублены* ... 86

Глава шестая.

*О том, как кровь невинно погибших
окрасила чиновничью шапку и как
в течение одного лишь вечера,
побеседовав по душам, Лао Цань
получил халат на лисьем меху* 100

Глава седьмая.

*О том, как за трапезой можно подчас
вершить дела целого уезда и как
Лао Цань на досуге посетил «город ста
книгохранилищ»* 116

Глава восьмая.

*О том, как Шэнь Цзыпин лунной ночью
в горах Таохуашань встретил тигра и как
в снегах ущелья Кипарисов ему удалось
навестить самое мудрость* 134

Глава девятая.

*О том, как гость читал стихи, изумленно
внимая чужим словам, и как трое людей
за чашкой чая вели разговор по душам* 148

Глава десятая.

*О том, как две жемчужины Черного
дракона освещали лютню и цитру и как рог
носорога звучал в унисон с диковинным
инструментом кунхоу* 168

Глава одиннадцатая.

*О том, как чумная крыса, разнося заразу,
способна умертвить даже лошадь и как
бешеная собака, распространяющая зло,
может оказаться страшнее
ядовитого дракона* 185

Глава двенадцатая.

*О том, как холодный ветер заморозил
воды реки Хуанхэ и как теплое человеческое
дыхание помогло сложить стихи
о белом снеге* 201

Глава тринадцатая.

*О том, как при мерцающем свете лампы
девушка жаловалась на свою судьбу
и как широко разлившиеся воды Хуанхэ,
казалось, взирали на содеянное ими зло* 222

Глава четырнадцатая.

*О том, как население огромного
уезда плавало в воде, словно
головастики, и как крошечные
лодочки сновали, точно муравьи,
развозя хлебцы* 234

Глава пятнадцатая.

*О том, как вспыхнувшее пламя напугало
девушек Цуй и как жестокими пытками
терзали одинокую вдову* 248

Глава шестнадцатая.

*О том, как за шесть тысяч золотом
было куплено четвертование и как
одно письмо изгнало звезду печали
и смерти* 262

Глава семнадцатая.

*О том, как выстрел из железной пушки
разрушил цепи судебного зала и как под
аккомпанемент яшмовой лютни
в гостинице сыграли свадьбу* 278

Глава восемнадцатая.

*О том, как наместник Бай, беседуя
и смеясь, разобрал несправедливо решенное
дело и как Лао Цань сквозь ветер и снег
отправился собирать важные улики* 295

Глава девятнадцатая.

*О том, как Лао Цань в деревне Цидунцунь
снова начал ходить с железным
колокольчиком и как умело в округе Цзинань
была подстроена ловушка 311*

Глава двадцатая.

*О том, как Шалопай из-за денег снова
замыслил убийство и как Лао Цань среди
снегов и льдов добыл у даоса «аромат,
возвращающий душу» 328*

Лю Э и его роман «Путешествие Лао Цаня»

Начало XX века в литературе Китая было ознаменовано появлением нового жанра — «обличительного романа», как назвал его впоследствии Лу Синь. В то время Китай был полуфеодальной, полуколониальной страной, раздираемой на части империалистическими державами. Свыше трех веков царствовала в нем иноземная маньчжурская династия, насаждавшая все темное, реакционное и глубоко ненавистное сердцу каждого честного китайца. В стране господствовала насковзь прогнившая общественная система, в которой все было построено на обмане и подкупе. Народ был абсолютно бесправен; в суде царил дикий произвол, при разбирательстве дел открыто применялись средневековые пытки. Это было всего лишь пятьдесят лет тому назад — в памяти многих еще не старых людей сохранились воспоминания о том времени. Но еще более зримо и глубоко способен представить нам эту обстановку китайский «обличительный роман» — порождение и знамение своей эпохи.

Крупнейшие писатели-романисты были свидетелями того, как народ поднимался против феодального гнета. Тайнинское восстание (1850–1865), восстание факельщиков (70-е годы), восстание ихэтуаней (1900) — вот наиболее значительные события в жизни Китая конца XIX — начала XX в. Подъем народных сил оказал большое

воздействие и на интеллигенцию. Реформаторское движение, а затем и возникновение революционно-демократического движения Сунь Ятсена не могли не отразиться на развитии китайской литературы и, в частности, «обличительного романа».

Создатели этого жанра: Ли Баоцзя, У Вояо, Лю Э, Цзэн Пу и другие — опирались не только на богатую литературную традицию китайской культуры вообще, но и на достижения китайского классического романа, развивавшегося уже в течение шести веков. За это время героический роман XIV–XVI вв. уступил свое первенствующее место социальному и бытовому роману XVII–XVIII столетий. Восемнадцатый век известен как блестящая пора в развитии китайского романа. Именно в это время рождаются такие замечательные произведения, как «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня и «Неофициальная история конфуцианцев» У Цзинцзя, в которых давалась широкая картина жизни и нравов той поры, с потрясающей реалистической силой бичевались пороки феодально-монархической системы.

Несмотря на то что «обличительный роман» появляется в начале XX в., он также может быть отнесен скорее к классической, чем к новой литературе Китая. Произведения этого времени не только тесно связаны с классическими темами и формами (в частности, с сатирико-психологическим романом XVIII в.), на них заметно также и сознательное подражание классике. По-прежнему их главной темой остается разоблачение одного из паразитических классов старого Китая — чиновничества. В форме романа еще сохраняются элементы устного народного сказа (каждая глава неизменно обрывается на самом интересном месте со словами: «Если хотите знать, что случилось дальше, — послушайте, в следующий раз расскажем»), хотя эти произведения, так же как и романы XVIII в., уже не имели непосредственной связи

с фольклором и создавались от начала до конца одним писателем.

«Обличительный роман» был вызван к жизни самим временем, настоятельно требовавшим беспощадной, сокрушительной критики преступлений господствующей верхушки. Китай стоял на пороге буржуазной революции 1911 г.

Разумеется, далеко не все романисты, а точнее большинство из них, проникнутое реформаторскими конституционно-монархическими иллюзиями, еще не осознали до конца, каким целям служит их творчество. Выходцы в основном из феодально-помещичьих слоев, они боялись революции, подчас даже пытались выступать против нее, но вместе с тем часто изображали современные им государственные устои с непримиримостью, остротой и поистине разрушительной силой. «Критическая и обличительная направленность „Путешествия Лао Цаня“, развитая автором в определенных пределах на протяжении всей книги, обусловила тот факт, что произведение было принято широкими читательскими массами того времени. Неслучайно, что с момента его издания и по сей день читатели продолжают любить роман», — пишет один из китайских критиков.

Лю Э (Лю Теюнь) родился 18 октября 1857 г. в культурной чиновничьей семье. С детства он проявлял незаурядные способности к литературе и математике, затем увлекся ирригацией. Интересы Лю Э отличались чрезвычайной разносторонностью. Большинство из них было вызвано к жизни патриотическими чувствами юноши: Лю Э ищет путь, на котором он сможет принести наибольшую пользу своей родине, и во имя этого порывает со многими условностями, свойственными жизненному укладу интеллигенции того времени. Он отказывается сдавать традиционные экзамены на чиновничью должность, едет

в Шанхай и в течение года занимается там медицинской практикой.

Вскоре ему представилась возможность использовать свои познания и в области ирригации. В 1888 г. Хуанхэ прорвала плотины в районе Центрального Китая. Лю Э немедленно едет туда, разрабатывает план защитных мероприятий и собственными руками помогает восстанавливать укрепления и дамбы. Свыше шести лет Лю Э в различных частях долины Хуанхэ занимается предотвращением стихийных бедствий и пишет на эту тему трактат: «Семь принципов обуздания рек».

Японо-китайская война 1894–1895 гг. прервала его деятельность ирригатора. Лю Э отправился в столицу. В это время под влиянием растущего народного возмущения после поражения Китая в войне с Японией в среде китайской интеллигенции разворачивается реформаторское движение. Мысль о необходимости перенимать достижения других стран все сильнее начинает волновать умы образованных китайцев. Лю Э также отдает немалую дань этому увлечению. Он разрабатывает проекты строительства железных дорог, открытия рудников, содействия торговле и т. д.

Стоит ли удивляться тому, что большинство его планов было отвергнуто реакционным маньчжурским правительством, боявшимся прогресса и не заинтересованным в развитии китайской национальной промышленности? Активность Лю Э вызывает озлобление в среде ретроградов. О нем начинают распускать клеветнические слухи, называя его изменником.

В 1900 г. один из крупных сановников маньчжурского двора — Ган Ни, впоследствии высмеянный в романе «Путешествие Лао Цаня» в образе Ган Би, — подал императору донос, в котором обвинил Лю Э в «связях с иностранцами» и требовал для него самого сурового

наказания. К счастью, Лю Э находился в Шанхае, и это помогло ему избежать расправы.

Тем временем в столице вспыхнуло восстание ихэтуаней (известное в европейской литературе под названием «Боксерское»), и войска восьми иностранных держав под предлогом подавления «мятежа» вторглись в Пекин. В городе начался голод. Императорская семья бежала на запад. Лю Э, не думая об опасности, приехал в столицу и, вступив в переговоры с русскими войсками, занявшими государственные амбары, продал весь хранившийся там рис по низкой цене голодающему населению.

Этот «потрясающий по своей дерзости» поступок был впоследствии использован маньчжурской кликой, которая с каждым годом получала все более многочисленные основания ненавидеть Лю Э. Роман «Путешествие Лао Цаня», первая часть которого появилась в журналах в 1903 г., окончательно восстановил против писателя все реакционно настроенное чиновничество. Не обошлось здесь и без личных интриг: принц Дуаньфан, любитель древностей, мечтал поскорее завладеть ценной коллекцией фарфора и черепаховых щитов с гадательными надписями, которая принадлежала Лю Э. В 1908 г. Лю Э был обвинен в самовольной продаже риса из государственных зернохранилищ, арестован и сослан в далекий Синьцзян. Там он и умер 23 августа 1909 г. Реакционеры торжествовали победу, а коллекция древностей, как и следовало ожидать, почти целиком попала в руки Дуаньфана, который был генерал-губернатором Нанкина и обладал правом конфискации.

Лю Э оставил после себя довольно богатое письменное наследие: в нем имеются и работы о речном строительстве, и исследования о фарфоре и черепаховых щитах, и собрание стихов. Однако наиболее популярным его произведением до сих пор остается единственный

(как это бывало со многими китайскими прозаиками прошлого) роман «Путешествие Лао Цаня», в котором отразились вся жизнь и душевные муки писателя, трудности его исканий.

В романе Лю Э китайская действительность показана глазами простого странствующего лекаря Лао Цаня, за которым стоит сам автор. Разъезжая по одной из восточных областей Китая — провинции Шаньдун, — Лао Цань становится свидетелем бесчисленных злоупотреблений, деспотизма и произвола. Он слушает рассказы угнетенных и забытых простых людей, негодует и плачет слезами горькой обиды за свой народ. Как характерно, что своеобразная и вместе с тем сходная во многих чертах обстановка в различных странах породила такие похожие по своей идее и глубоко своеобразные по внутренней сущности произведения, как «Путешествие из Петербурга в Москву» — в России, «Путешествие Ибрагим-бека» — в Персии, «Путешествие Лао Цаня» — в Китае!

В своей композиции «Путешествие Лао Цаня» несколько отступает от традиционного построения китайских классических романов, которое находит законченное и художественно совершенное выражение еще в романах «Речные заводы» (XIV в.) и «Неофициальная история чиновничества» (XVIII в.) и продолжается в большинстве «обличительных романов» начала XX века: «Нашем чиновничестве» и «Краткой истории цивилизации» Ли Баоцзя. В романе Лю Э не происходит той своеобразной цепной реакции, при которой первый герой вводит в действие второго, второй — третьего, третий — четвертого и т. д., а сам тем временем отходит на задний план. Главный герой Лао Цань проходит через произведение от начала до конца; почти все события (за исключением нескольких глав, где инициатива переходит к Шэнь Цыпину) концентрируются вокруг него и показываются сквозь его восприятие.

Разложение провинциальной чиновничьей системы, продвижение в верхи людей черствых, жестоких, самовлюбленных — вот что больше всего угнетает Лю Э, и это находит отражение в композиции произведения. Центральное место в романе (наряду с Лао Цанем) занимают фигуры двух чиновников-деспотов: Юй Сяня и Ган Би. Они вершат свои «справедливые» дела в разных местах, возможно, даже не зная друг друга, но автор тем не менее перекидывает от одного к другому логический мостик, связывая их воедино.

Нетрудно заметить, что введение эпизодов с Юй Сянем и Ган Би составляло главную цель автора. Даже всеми предшествующими главами Лю Э как бы подготавливает к восприятию этих отрывков. Так, например, Юй Сянь непосредственно не появляется в книге ни разу. Однако рассказом хозяина постоянного двора (главы четвертая, пятая) о зверствах Юй Сяня автор заставил читателя ждать его появления. Мало того, беглое упоминание — скорее намек — о Юй Сяне мы встречаем еще раньше: в эпиграфе к третьей главе. Оно говорит нам о том, что автор еще в третьей главе заранее направляет своего героя в округ Цаочжоу, чтобы столкнуть его с жестоким чиновником или по крайней мере с людьми, которые от него пострадали.

Зловещий образ правителя этого округа, чиновника-деспота Юй Сяня, невольно воспринимается в романе как олицетворение кровавого деспотизма всей маньчжурской монархии. Добившись поста правителя и мечтая о еще более высоком назначении, он ведет рьяную борьбу с «бандитами» и не щадит при этом ни правого, ни виноватого.

Как известно, при абсолютистском цинском режиме в Китае, вплоть до революции 1911 г., правитель округа обладал всей полнотой административной власти. Он зависел не от общества, а от отдельных лиц, стоявших к тому же выше его и, точно так же как и он, не знавших

запросов и нужд народа и не интересовавшихся ими. В его руках находились и судебные полномочия, и он самолично — без всяких присяжных, пренебрегая законами, — вершил расправу над неугодными ему людьми. Именно таким маленьким самодержцем, чрезвычайно характерным для Китая начала XX в., и выступает в романе Юй Сянь.

Конечно, есть у него и некоторые «индивидуальные» черты. Так, например, излюбленная мера наказания, применяемая им к осужденным, — бамбуковая клетка, в которой несчастный висел на собственной шее вплоть до смерти. Обвиняемый не смеет даже напомнить об оправдывающих обстоятельствах: на протяжении всего заседания говорит один судья. Таким образом судебный процесс превратился в издевательство.

Писатель мастерски передал атмосферу гнетущего страха, которой окружил себя Юй Сянь. Запуган не только народ, но и подвластные Юй Сяню чиновники. Тщеславный деспот и не заметил, как своей жестокостью и нетерпимостью создал среду, благоприятную для клеветников, доносчиков и льстецов.

Чиновники-подхалимы беззастенчиво льстят Юй Сяню, называя его в глаза мудрым, справедливым, гуманным.

Как уже упоминалось выше, образ Юй Сяня дается в произведении не непосредственно, а с помощью многочисленных рассказов о нем (гостей на пиру, хозяина постоянного двора, гостиничного слуги и др.). Этот метод позволил автору показать образ Юй Сяня с разных точек зрения. Нет ничего удивительного, что мнения о нем в основном сходятся, и это еще сильнее убеждает читателя в том, что Юй Сянь действительно достоин ненависти и презрения.

Иными средствами обрисована в романе фигура Ган Би: он наглый, злобный, трусливый и, конечно, не такой

величественный и грозный, как Юй Сянь. Во многом такой показ был обусловлен другой художественной задачей автора: если в первом случае Лао Цань так и не имел возможности столкнуться с Юй Сянем и помешать ему вершить произвол, то теперь он активно вмешивается в судебное разбирательство, которое ведет Ган Би.

Поскольку Лао Цань имел возможность ближе столкнуться с Ган Би, узнать о нем из уст просвещенных и проницательных людей (Хуан Жэньжуй, начальник уезда Ван Цзыцзинь), то естественно, что и внутренний мир Ган Би оказался раскрытым в романе несколько глубже, чем мир Юй Сяня. Этот карьерист заранее рассчитал, что слыть честным и получать повышения выгоднее, чем брать взятки.

«Я чиновник царствующей фамилии!.. Губернатор специально послал меня сюда, чтобы я помог господину Вану в расследовании этого дела. Если бы я принял твое серебро и отпустил вас, я не только не оправдал бы доверия, возложенного на меня губернатором, но и навлек бы на себя гнев тринадцати убиенных душ!» — говорит он.

Уже из этой ханжеской реплики мы улавливаем, что Ган Би руководят не столько благородные побуждения, сколько боязнь лишиться милости начальства. О том же говорят нам дела Ган Би: его подлые попытки завлечь в судебные сети, запутать и обвинить в тягчайшем преступлении молодую женщину и ее старика-отца. И когда впоследствии мы слышим иронические намеки Хуан Жэньжуй, Бай Ци на то, что Ган Би просто выслуживается, мы оказываемся внутренне подготовленными к такому выводу.

В образе Ган Би несравненно сильнее, чем в Юй Сяне, показаны черты ханжи, демагога, который способен своим рвением довести до абсурда самую разумную идею. «Этот чумной Ган кичится своей чистотой и не-

подкупностью! — говорит о нем Хуан Жэньжуй. — ...Я не в состоянии воздействовать на этого молодчика. Хотел было на днях доложить обо всем наверх. Но губернатор вспыльчив — прямо к нему с таким докладом идти немислимо!» (глава шестнадцатая).

Кроме омерзительных фигур Ган Би и Юй Сяня, писатель выводит и другие типы чиновников: Шэнь Дун-цао, Хуан Жэньжуй, начальника уезда Ван Цзыцзиня, инспектора Бай Ци и других. Автор наделяет их честностью, умом, гуманностью, тем поучительнее проследить, какое влияние оказывает на них разлагающаяся чиновничья система.

Шэнь Дунцао не решается установить гуманное правление в своем округе (боится, что это уменьшит его доходы и помешает расплатиться с долгами).

Хуан Жэньжуй, несмотря на свои способности, поднимается по служебной лестнице только благодаря протекции. Согласившись на благородное дело — спасение девушки из увеселительного заведения, — он боится признаться в своем честном поступке, так как это может повлиять на его карьеру.

Ван Цзыцзинь знает, что Ган Би только своим иезуитством и демагогией заставил обвиняемых признаться в несуществующем преступлении, и все-таки безропотно молчит.

Характерной для всех этих людей (кстати, их образы автор также слабо индивидуализирует, и это позволяет легко говорить о них в совокупности) является тяга к добру: в романе, в частности, это проявляется в их симпатиях к Лао Цаню. Именно в сравнении с Лао Цанем, который для автора остается воплощением простого, естественного, не испорченного жизнью человека, особенно ясно становится, как искалечены действительностью Хуан Жэньжуй, Шэнь Дунцао и другие. Несмотря на то что Лю Э в соответствии со своими